

АНГЕЛ АНГЕЛИНА

...и наступил момент, когда Макс Стельмах почувствовал себя самым неудачливым человеком лета одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года.

Самым несчастным. А разве ж мыслимо кому выдержать столько крушений за какой-то один месяц? Ведь были уже отданы школе последние приветы, и первоклашка, сидя на его плече, отзвонила в чуть слышный колокольчик. И было по полной отплясано с ребятами на выпускном под «Самоцветы» и «Ариэль», а потом до самого рассвета, в белых рубашках и белых платицах, рассыпаясь на пары и вновь собираясь в стайки, прохожено и пропето под гитары около моря. И поцелуи, долгие поцелуи под первые клики розовых чаек... Потом, растерянно посуетившись от распахнувшейся ответственности, все однокашники почти разом разъехались кто куда, почти наугад развозя аттестаты и комсомольские характеристики в институты и университеты больших городов. А ему, собственно, и выбирать-то было нечего: со второго класса — вечная стенгазета, с третьего — изостудия, то есть, всеми безоговорочно признаваемый талант художника требовал профессионального развития. Но далее... Вот как раз далее он — после того, как уже сдал рисунок и композицию на худграфе одесского педагогического! — оказался на операционном столе. С позорным аппендицитом. Ну, может, не с самым позорным, так как последовало осложнение, и вместо трех-пяти дней провалиться в больницу пришлось две недели, а потом брат и мама осторожно вернули его в Ильичевск. И покатилося. Дело даже не в том, что он не поступил в конкретно этом году, а получалось, что не поступил вовсе, так как весной загребался в армию. И пусть бы так, опять же, армии Макс не боялся, но на этом «черная полоса» не заканчивалась: из-за операции он не попадал на августовские сборы и, естественно, не участвовал в «республике». А турнир был просто как воздух: не хватало трех зачетных побед для норматива «мастера». В его первом среднем. Боксерском. А, не получив «мастера», он не попадал служить в СКА... И даже грузчиком в порт не пойдешь — швы свежие.

В общем, не ешьте семечки вместе со шкурками.

Братишка со своими, с мая уже загоревшими оболтусами-восьмиклассниками ловил бычков с баржи и избегал домашних поручений, а мать, в очередных квартальных отчетах окончательно перешедшая на эпистолярный жанр воспитания, только указывала где и что подогреть. Посему Макс, для приличия кроме бутербродов и огурцов прихватывая этюдник, каждый раз до темна отсиживался в одиночестве, забираясь куда-нибудь повыше, чтобы оттуда из-под белой панамы гордо обижаться на всех и вся. Даже Соня Мамеладова где-то в Москве. Конечно же, не нарадуется жизни в своем, ах-ах, МГУ. Тоже мне, журналистка... День, два, пять, десять, двенадцать... И на тринадцатый он взвыл. Да кому все эти акварели?! Видно же, что мазня: прибой тяжелый и проваливается за песок, зелень грязная, рисунок вялый — ну, естественно, настроение вылезает. Кому оно все нужно?.. И кому нужен он сам? И не только сейчас, но и ранее: мать — бух, а затем и начэкономотдела горводоканала, детей видела утром, вечером и по воскресеньям. Отец, пока был жив, вообще по восемь-девять месяцев ловил где-то свои тонны морепродукции, а когда возвращался, то два месяца пил так, что и ... лучше бы плавал круглый год. Только когда до очередной медицинской комиссии оставалась пара

недель, он трезвел, ходил в парную и воспитывал сыновей. Очень поучительные были байки. И поджопники. Младший брат, Димка... Салага, но уже баклан, оторви и брось. Пофигист от пеленок, кажется, за пределами школьной программы прочитал две или три книжонки про шпионов. И ни в один кружок тоже больше двух-трех раз не сходил. Вон, прибраться за собой не заставишь. Но, все равно, при этом мамкин любимчик, чуть что, сразу ябедничать... Спортзал пуст — все в лагере... И что Макс тут делает? И что будет делать? Чесать свежие рубчики.

Потолок с толсто забеленной лепной розеткой вокруг свисшего на длинном витом проводе абажура матового стекла, желто-горчичная полосатая штора, перекрывающая половину жаркого полуденного окна, аккуратно приколотые к блекло-зеленым обоям иголками грамоты и дипломы. А две серебряные медали покрылись пылью. Впрочем, пыль видна и на рамках с морскими пейзажами, и на чучеле альбатроса. Пыль, пыль. И уже который день он не может поднять упавшие за стол новенькие, подаренные на окончание школы тренером Сергей Сергеевичем, красно-белые перчатки. Просто нет сил... Уехать бы. Уехать. Куда-нибудь далеко-далеко. В тайгу... Или в Ленинград... Так вот и подступил тот момент, когда Макс Стельмах почувствовал себя самым неудачливым человеком...

Мать пришла неожиданно рано. И прямо с порога огорошила:

— Макс, собирайся! Звонил в контору брат Костя, ну, мой двоюродный брат, твой дядя Константин Павлович. Завтра пришлет деньги, и ты полетишь в Москву, а оттуда в Кишинев. Он берет тебя на лето на работу. Знаешь же, что он реставратор, церкви ремонтирует. Сказал: ничего страшного, и после операции можно.

— А чего через Москву-то? То есть, я, конечно, за, но тут напрямую в пять раз ближе.

— Пусть хоть в десять! Там, в Москве, какие-то документы возьмешь, чертежи для его работы. Ну, и в столице побываешь. Разве ж плохо?

Не то, чтобы не плохо, а и вовсе замечательно. Небо за окном неожиданно просинело, солнце разом ужалось в играющее за тюлем пятнышко, даже от неблизкого моря свежий ветерок донес запах ржавчины, мазута и крики чаек — самые, что ни на есть, заглавные призывы к путешествию. Собираться недолго, спорт научил: трусы, майки, зубную щетку и полотенце. Но, может что нужно особенное, эдакое, для реставрации? Может, ну... церковь все-таки. Мам, а он, вообще-то, крещеный? Вдруг туда без крестика не пускают? Мать, на секунду задумавшись, махнула рукой: «Ну, вот, так и знала! Сколько ж талдычила твоему отцу — давай окрестим детей! А он, штумпф упертый, только ругался. Вырастут, мол, лютеранами будут. Ага, так прямо я и отдала ихней немчуре своих русских мальчиков! Да и ничего, ничего: авось, небось, да как-нибудь! Если что, там и покрестишься».

Москву он, в общем-то, и не увидел. Четыре нервных часа в аэропорту Домодедово, подскочивший почти перед самой посадкой какой-то взъерошенный толстяк с огромной самодельной папкой: «смотри, не помни», и, вообще, все там предельно бестолковое и суетливое. Только мороженное понравилось, хотя почему-то «Ленинградское». Но, вот, наконец, «Ту-104», накренившись к пронзительно в темноте малиновой щелке заката, пошел на снижение. За толстенным стеклом иллюминатора небо из сплошных сине-фиолетовых облаков, и такая же непроглядная земля. Только меж ними узкая полоса холодно красного цвета. Или света. Пристегнув ремни, все, кто находился по левому борту, напряженно смотрели на проплывающие огоньки вечернего Кишинева. Паутина синюшных уличных фонарей, желтые соты многоэтажных новостроек, красные черточки партийных призывов. Самолет выровнялся, уши заложило, и под брюхом загремела, заколотилась посадочная бетонная дорожка.

По современному кубовое, приземисто широкое и новехонькое — «выстроено к прошлогоднему приезду Брежнева», уютное в своей почти девственной чистоте, двухэтажное здание аэропорта через полчаса опустело. Попутчики растаяли как-то незаметно и непонятно на чем. Макс побродил по фойе, вышел на площадь. Ночь теплая, липко влажная, без какого-либо малейшего ветерка. Это вам не побережье. В уши ударил звон бесчисленных цикад. «Если не встретят, то бери такси. Только больше пяти рублей не давай, там и так два-пятьдесят всего настукивает». В углу, под крайним, густо облепленным ночными бабочками, фонарем стояло около десятка разноцветных машин, но такси было только пара. Шофера плотно сошлись у одной из легковушек и о чем-то взахлеб спорили. Нерешительно приблизившись и потоптавшись, Макс наконец-то вызвал у них некоторый встречный интерес: «куда?» «Кровохлеб». Интерес пропал. Даже «сколько он даст» не спрашивали. Водилы демонстративно свернулись в кружок и опять начали шумно обсуждать преимущества «тройки» перед «шестеркой». Но, конечно же, в этом повышенном шуме прозрачно чувствовалась фальшь. «Клиента» обрабатывали, давали «дозреть», Макс постоял, постоял и робко отвлек самого пожилого:

- Может, довезете?
- Куда?
- Я же говорил: Кровохлеб.
- Нет, не по пути.
- Так вы же таксист.
- Я по заказу. Вон, частников проси. Может, возьмутся.

Макс, согласно направляющему кивку, подошел к молодому невысокому весельчаку, бурно оспаривавшему общее мнение о неэкономичности слишком мощного двигателя «шестерки».

- Вы не подвезете?
- Шо, так трэба?
- Сами видите. Ночь скоро.
- Таки ж червонец.

Стоявшие рядом шофера заулыбались. Эти наглые ухмылки и переполнили терпение. Все, предел пройден, Макс и так уже умаялся за этот бесконечно длинный день со всеми его проверками, накопителями, ремнями, взлетами, посадками, — хватит над ним издеваться. Да! Его мать одна на сто сорок плюс двадцать премиальных тянула двух сыновей, он сам с восьмого класса уже подрабатывал, и брат покорно донашивал то, что перед этим было Максово, а тому, в свою очередь, многое перепало из оставшегося от отца. И что такое «червонец» — не ему рассказывать!

— Поехали!

Не ожидавшие такого быстрого согласия шофера опешили. И смотрели теперь на урвавшего с нескрываемым неодобрением. А тот вдруг чего-то занервничал, засуетился, никак не попадая ключом в замок багажника. Огромную папку аккуратно положили поверх запаски и инструментов, а рюкзак Макс бросил на заднее сиденье. Все, тронулись.

- А чо, братка, там, в Кровохлебе? Отдыхать к родственникам?
- Нет. На работу.
- Какая ж там работа? Мэй! Село. И шляхт класть уже закончили.
- Нет, я в церковь.
- В бисерику? Мэй! — Шофер ему даже в лицо заглянул. Чего это он? И еще вдруг стал

извиняться:

— Тэк почему, братка, цену-то гнем? Через гаишный КПП проезд, а там оне с нас, частников, ночью по рублю гребут. Туда — рубль, оттуда. А днем-то до Кровохлеба трешник.

Удивительно ровный асфальт шоссейки легко гнулся с холма на холм, мелькая под фары